Я. П. Новицкій.

Малорусскія

народныя преданія, повѣрія и разсказы.

(Оттискъ изъ Адресъ-Календаря г. Александровска на 1908 г.)

АЛЕКСАНДРОВСКЪ.
Типографія Эккеля и Старчевскаго. Телефонъ № 120.
1907.

Оглавленіе.

Я. П. Новицкій.

Малорусскія

народныя преданія, повѣрія и разсказы.

ПОЛОВИЦА

(нынѣшній Екатеринославъ).

(Изъ воспоминаній старухи).

Разсказъ 1-й.

Въ Іюлѣ 1873 года я экскурсировалъ въ окрестностяхъ села Ольгинскаго, Маріупольскаго уѣзда. День былъ жаркій. Усталый, мучимый жаждою, я направился къ рѣчкѣ Волновахѣ, въ эту пору, правда, во многихъ мѣстахъ пересохшей, тѣмъ не менѣе обиловавшей камышемъ, осокою и другою болотною растительностью. Жажды я не могъ утолить: вода въ плёсахъ оказалась негодною; но отсюда, въ полуверстѣ, зеленѣли конопляннники, за ними—рядъ кудрявыхъ вербъ и нѣсколько хатъ села. Я ускорилъ шаги. Не доходя къ конопляннникамъ, я замѣтилъ живую фигуру, еще ближе—узналъ опиравшуюся на палку старуху. Я къ ней. Поздоровавшись, усѣлся на зеленомъ склонѣ и вступилъ въ бесѣду. Первое мое обращеніе къ ней было—опредѣлить народныя названія собранныхъ растеній и объяснить употребленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ народной медицинѣ. Дряхлая старушка оказалась глуховатою и плохо зрячею. Она узнала на ущупь аманъ, кермекъ, нехворощу, а остальныя названія перемѣшала, признавъ пижму за деревей, шандру за «пахучую» мяту и т. д. Уложивъ растенія въ капсулю и поблагодаривъ старушку, я собрался уходить, какъ вдругъ совершенно неожиданно нашъ разговоръ измѣнился, и мы изъ области ботаники перешли къ исторіи; на это вызвала сама старушка.

Видкиля ты, сыночку?

Здалека, бабушка: отъ самого Днипра.

Знаю Днипро; знаю... Може зъ Половыци?

Нѣтъ, бабушка,-изъ Александровска, что вблизи Кичкаса.

Це бъ то зъ Московкы, що крипость?

Да, бабушка,-оттуда.

— Знаю, знаю... Малою було зъ батькомъ издемо Велыкымъ шляхомъ позъ ту крипость въ Токмакъ. [1])

— А Половицу, бабушка, знаете?

— Якъ же не знаты: росла въ ній; знаю ще, якъ зачинався тамъ городъ... Я сама родомъ зъ Пидгороднеи, що пидъ Самарью (Новомосковскъ).

— А сколько-жъ вамъ лѣтъ?

— Багато, сынку: девъяносто шестый пишовъ видъ торишнеи Покровы.

— Разскажите, же, бабушка, что вы знаете про Половицу:

— Э, сынку, багато треба казать: нездужаю и забула уже багато. Служыла я тамъ у козака нянькою ажъ тры годы. Тоди тамъ жило запорозьке казацтво. Хаты у ихъ булы велыки и мали, тико тоди планы булы велыки: хата отъ хаты геть-геть, далеко — гоникъ двое, або трое.[2]) Огороды булы отъ горы, де Соборъ, та ажъ до самисинького Днипра. По гори садкы булы у кажного, а по нызахъ левады: въ левадахъ, було, росте капуста якъ видра, огиркы, сонянныкы, тютюнъ и всяка тамъ всячына... Слобода була чималенька, и люди жылы все заможни[3]), багато малы скоту, коней, хлиба, сина, бжилъ[4])... По гори стоялы козацьки витрякы[5]) и не таки, якъ теперъ, нимецьки, а меньши, крыти очеретомъ. На Днипри, — тежъ водяни млыны на байдакахъ и було стукотять день и ничъ.

— А городъ, бабушка, когда начался?

— Городъ уже начався тоди, якъ генералы сталы набигать[6]) у Половыцю, а потимъ и Катерына проихала.

— А вы, бабушка, видѣли царицу Катерину?

— Ни, сынку, не бачыла, мала була. Тоди не такъ було, якъ теперъ; тоди, було, насъ лякають панамы: було кажуть: «Дывысь, панъ иде!»... «Дывысь, москаль зъ ножемъ»... Мы, було, и ховаемось въ кущахъ, та бурьянахъ... Сказано, дурни булы, якъ телята...

— Какъ же городъ начинали строить? — разскажите!

[1]) Село Тавр. губ., Берд. уѣзда. [2]). Гоны равны 120 саж. [3]) Зажиточные. [4]) Пчелъ. [5]) Вѣтряныя мельницы. [6]) Наѣзжать.

— Це я мало знаю, бо мене скоро батько взялы до дому. Тоди козакы кудысь перебиралысь, а у мого хазяина одибрато планъ пидъ городъ.

— Какъ-же, бабушка, прозывали вашего хозяина?

— Забула, сердце: давно було дило.

— А когда городъ построился,—бывали въ немъ?

— Бувала часто, якъ скоро замижъ пишла: було, возьмо хлибъ, то такъ де-що продавать, або минять. За хлибъ бильше всего миняли горшкы, мыскы, глечыкы.

— И хорошъ городъ былъ поначалу?

— Не дуже... Булы дома велыки и мали, було багато и землянокъ... По гори и въ балочкахъ—скризь, було, люды жывуть въ землянкахъ.

— Что-же, бабушка, хорошая была торговля въ городѣ? Много людей наѣзжало?

— Хороша: багато було крамаривъ, перекупокъ, рашавцивъ.— Товаръ навозылы зъ городивъ.

— Какой-же тогда товаръ привозили?

— Всякый, сынку: тютюнъ, цыбулю, медъ, деготь, виси[1]), пшоно, дыщща, мотовыла, гребни, гребинкы, вытушкы, повозкы, демыкытонъ, сытци, пистрю.

— А еще что?

— Та всяку всячыну, сынку: мазныци, тютюнъ, ярма, виси, деготь, медъ, набойку, сукно (Старуха забывалась и часто повторяла предметы перечисленія).

— Какіе же, бабушка, люди тогда наѣзжали въ городъ?

— Перекупкы съ Кременчука, крамари, чужеземци, паны... Народъ усе чудный на выду[2]), одежа на ему не така и мова чужа,—сказано городъ... Було пріизжають одъ моря и пыкати[3]) татары верблюдамы, навозять выноградъ, яблука всяки... Страшни гаспидськи[4]) верблюды; якъ гляне на тебе,—такъ мовъ и хоче

[1]) Деревян. оси для повозокъ и чумацкихъ возовъ.

[2]) По наружности. [3]) Полнолицые, мордатые. [4]) Дъявольскіе.

зъисты... Було якъ иде татарва съ Крыму, то за тры версты чуть, якъ скрыплять не мазани колеса.

— А давно, бабушка, вы были въ Половицѣ?

— Давно, сынку, мабуть годивъ съ пивсотни буде. Якъ обсилы диты, то уже бильше не доводылось издыть... У Самарь (Новомосковскъ), було издю, а у Половыцю ни... Теперь уже такъ забралась, що и воронъ костей моихъ не занесе туды.

— А какъ давно, бабушка, вы сюда заѣхали?

— Годивъ буде сорокъ. Заихала зъ зятемъ та зъ дочкою... Тисно уже стало и тамъ, такъ мы подалыся въ нови слободы.

— А знаете, бабушка, какъ теперь называютъ Половицу?

— А чомъ-же: люды называють Катеринославомъ, а мы, по старому, звемо—Половыцею.

На этомъ и закончилась наша бесѣда. Я далъ слово старухѣ заглянуть къ ней въ хату, но помѣшалъ мнѣ непредвидѣнный выѣздъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ее уже не стало.

ПОЛОВИЦА-ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.

Разсказъ 2-й.

9-го мая 1887 г. Екатеринославъ праздновалъ столѣтнюю годовщину. Въ десятитысячной массѣ народа можно было видѣть представителей городовъ и селъ, видѣть людей всѣхъ сословій и національностей. Огромная площадь Преображенскаго собора и скверъ пестрѣли разнообразіемъ костюмовъ; горожане, по преимуществу, тѣснились у разукрашенной зеленью и флагами эстрады, простой народъ, селяне—у памятника Екатерины. Въ толпѣ пришлаго народа одни видѣли «царицу» въ первый разъ, другимъ она извѣстна была и раньше; въ числѣ послѣднихъ присутствовалъ и 78-милѣтній дѣдъ Мартынъ Власовичъ Кравецъ-Заика, изъ с. Новыхъ

Кайдакъ. Этотъ сгорбленный, опиравшійся на палку, старикъ рѣзко отличался своею добродушною наружностью: къ нему многіе, въ такихъ-же свитахъ, обращались съ вопросами по случаю событія дня, многихъ, видимо, онъ удовлетворялъ поясненіями. Въ свою очередь мы сдѣлали попытку перекинуться словомъ: знакомство съ дѣдомъ завязалось быстро и чрезъ 2—3 минуты мы уже вели оживленную бесѣду подъ тѣнью дерева. Изъ многихъ записанныхъ разсказовъ передадимъ слѣдующіе, посвященные Екатеринославу-Половицѣ и основателямъ послѣдней—запорожцамъ.

Катеринославъ спрежду звалы Половыцею, бо такъ звалы слободу, де теперъ городъ, а инчи звалы его Невинчаною губерніею[1]). Давно, ще молодымъ, зайшовъ я съ Тавріи въ Херсонъ. Тоди уже въ городахъ началы гроши личыть на срибло, а въ слободахъ, було, все на ассигнацію. Отъ ходю разъ по базару и бачу, перекупка продае груши. Почемъ, кажу, чашка? Копійка.—Сыпь дви въ заполу. Всыпала. Я даю шага (грошъ).—Шо це ты даешъ?—каже: на срібло дви копійки.—Дежъ тоби, кажу, у биса взяты копіекъ срибныхъ: ихъ-же катъ-ма.... «Вона розсердылась и пыта:» зъ якои ты губерніи?»—Съ Катеринославскои, кажу.—А, це зъ Невинчанои... тымъ вы и счету не знаете.—А вы, кажу,-розумни? У насъ въ губерніи тико одна балка Невинчана, а у васъ скризь продають тютюнъ нидъ церквамы. Взявъ и вернувъ ій груши.

—А за шо-жъ, диду, балку прозвалы Невинчаною?

—Та все-жъ за те, шо колысь тамъ люды жылы невинчани. Попервыхъ городъ бувъ зовсимъ малый, то сюды, було, и находятъ салдаты, салдаткы, бродягы всяки, кацапня... Инчый жинку, дитей кине, инча—чоловика; ихъ нихто тутъ не пытавъ: видкиль и хто. Въ норахъ, було, и калатають викъ. Народъ бувъ все голый, та роспутній... Покойный запорожець Берлымъ росказувавъ, шо у ихъ не було оцего поганого звычаю лаяться такъ, якъ теперъ; теперъ мала дытына и та гне поматерщыни; все це

[1]) У малороссовъ слово „губернія“ часто употребляется въ смыслѣ губернскаго города. „Издывъ въ губернію на ярмарокъ“ „Визъ хуру (кладь) зъ губерніи“.

зайшло до насъ видъ кацапивъ, съ тіеи Невинчанои балкы. У запорожцивъ—«еретычный сынъ», «еретыча душа», «скурвый сынъ», «конанка, або ето конанокъ чортивъ»—це найбильша лайка. Воны бильше черезъ цю лайку, та распутство и перебралыся изъ Половицы въ Мыхайливку, та Краснополь.

Изъ старожиловъ Половицы, Кравецъ знаетъ, и то по разсказамъ другихъ, извѣстнаго запорожца Коржа, повѣствованіями котораго, въ свое время, воспользовались епископъ Гавріилъ и Скальковскій[1]). По его словамъ, вблизи Екатеринослава, въ степи, по направленію отъ литейнаго завода, есть двѣ большія могилы, извѣстныя подъ именемъ «Коржевыхъ». Тамъ была и степь Коржа. Еще раньше, эти могилы, по его словамъ, назывались «Близнецы». Ихъ, однако, не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣми двумя большими «Близнецами», которыя видны на степи Лоцманской Каменки.

Далѣе разсказчикъ нашъ повѣствуетъ. Въ Новыхъ Койдакахъ умерла баба Иванчыха; ій було бильше 100 годъ. Розсказувала, покойна, що дивчыною вона бачыла царыцю Катерыну... Тоди въ Новихъ Койдакахъ бувъ городъ, бувъ и земськый судъ, и вона тутъ и остановылась съ своимъ хлотомъ[2]). Съ Койдакивъ поихала въ Половыцю, а тамъ жилы сами запорожци. «Дай, каже, посміюсь надъ нымы». Выбрала десять чоловикъ самихъ усатихъ, посадыла за стилъ и каже: «дайте имъ сметаны». Поставылы дви здоровенни мыскы. Запорожци моргъ одынъ на другого, а потимъ кажуть: «велы намъ, мамо, перше[3]) подать полевои сметаны, що Божа бжола наносыла, а тоди пoмо и цю».—«Добре, каже, подайте имъ мыску меду». Вылылы той медъ, понамазувалы вусы, позакручувалы ихъ за вуха и давай стебать сметану. Настебалысь—и вусы сухи. Глянула на ихъ Катерына и каже: «молодци вы, запорожци: васъ ничымъ не проведешъ.

[1]) *Гавріилъ.*—Сочиненія т. II „Устн. повѣств. быв. Запорожца Никит. Леонт. Коржа“ стр. 1—101 Москва. 1854; *Скальковскій А.* Изустн. преданія о Новорос. краѣ Журн. министер. народ. просв. 1838 г. Іоль, 1839 г. февраль.

[2]) Флотъ. [3]) Прежде.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЗАПОРОЖЦЕВЪ.

Легенда 1-я.

Вымираютъ старые люди, уносятъ въ могилу старую память. Въ с. Ольгинскомъ, Маріупольскаго уѣзда, я знавалъ дѣдовъ Пилипа Молодика и Андрія Иващенко; это было въ 1876 году. И Андрій и Пилипъ—люди бывалые, много слышали, много видѣли свѣта; Пилипъ много лѣтъ чумаковалъ, Андрій—всю молодость провелъ въ бурлачествѣ, жилъ въ «забродахъ»[1]). И чего только, бывало, не услышишь отъ нихъ! Разъ, помню, завелъ рѣчь Пилипъ о томъ, что пчеламъ скудно жить, что въ степи вывелись терны, изчезли цвѣты, перестала родить гречка. Андрей вздохнулъ, покачалъ головою и повелъ рѣчь о старинѣ, о пережитомъ привольѣ. Вспомнилъ онъ дѣда, отца, дѣтство, жизнь въ забродахъ, бурлаковъ. Съ воспоминаніемъ о дѣдѣ, въ его памяти воскресли и «дикое поле», и «Великій лугъ», и Днѣпръ, и лиманъ, и море, и Запорожье.... Рѣдко и очень рѣдко найдете старика, который-бы съ такимъ глубокимъ чувствомъ, съ такимъ умѣньемъ повѣдалъ вамъ о прошломъ. Слушаешь,—бывало, дѣда за полночь, слушаешь и не наслушаешься. По разсказамъ Андрея, дѣдъ его былъ запорожецъ, прожилъ болѣе 100 лѣтъ. Рано лишился Андрей матери; поэтому дѣдъ его «съ пупку» вынянчилъ, выкормилъ и воспиталъ.

Всѣ записанные нами разсказы дѣда Андрея полны интереса и представляютъ отголосокъ сѣдой старины. Вотъ одинъ изъ такихъ разсказовъ о Запорожцахъ, записанный въ 1876 году.

«Якъ бувъ я малымъ—разсказываетъ онъ,—то за дидомъ бигавъ слидкомъ, а якъ пидбильшавъ—дидъ за мною. Я, було, горобцивъ деру,—дидъ шапку пидставля, я кони пасу,—дидъ за пидпасича. Дидъ любывъ розсказувать,—я любывъ слухать. Винъ мени и за-

---

[1]) На рыбныхъ заводахъ Азовскаго моря.

спива, и сказку розскаже, и загадку задасть. Якъ бы не дидъ, я не бувъ бы въ забродахъ, не знавъ бы ни лыману, ни моря, ни бурлакъ; не чувъ бы про запорожцивъ, що воно за люди и видкиля... Винъ мени всп выходы росказавъ про Запорожцивъ. Дидъ розсказувавъ такъ.

Якыйсь-то бувъ руськый царь, що стоявъ пидъ страхомъ у чужеземця... це давня давнына... Такъ ото нашъ царь тому непрыятелеви и платывъ подать людьмы: було займе, якъ отару овець: тай жене. Хто було пиде до непрыятеля, то уже не вернеться: помынай якъ звалы. Отъ разъ нашъ царь пославъ тому супостатови людей самихъ отбирнихъ. Выйшлы воны въ степъ, посовитувалысь и кажуть: чого мы пидемо до проклятого кимлыка-мухамеда? На зарпзъ? Есть межъ нами ковали, шевци, ткачи, ганчари, шаповалы; есть знахари, характерныкы; давайте тутъ жить. Подалысь воны въ лисъ, въ пущи, повыкопувалы землянкы и давай жыть.

— Что же, имъ не досталось отъ царя за непослушаніе?

— А шожъ имъ зосталось робыть, колы у того царя не було жалю и на макове зерно! Тобъ треба грішмы платыть подать, а винъ мыромъ (людьми)...

— Дальше, диду.

— На другый годъ, опьять найшло людей, на третій опьять; —стало циле військо. Отъ супостатьскій царь и пыше нашому: «чомъ ты, каже, людей не даешь»? Нашъ и одвитуе: «посылаю тоби, каже, що року»... Багато годивъ мынуло, поперемынялысь и цари въ земляхъ, а люды все намножаються и намножаються въ дыкимъ степу. Ставъ непрыятель докучать имъ набигами, и давай воны бить его ворожыть. Скико не пошле війска, воны все и порубають... Характерныкы булы велыки!... Стала ходыть чутка, що жывуть десь запорожци—таке страшне військо, що и не прыступышь.

— А кто же, диду, управлялъ запорожцами?

— Кошовый... Військо выбере характерныка, тай орудуе винъ нымъ.

— А земля чья же это была?

— Ни чыя, дыка: тутъ кышавъ звиръ, гадъ, та птыця Божа.

— Долго ли, диду, жили такъ запорожцы?

— Покы одвоюваль у турка землю.

— А много они отвоевали?

— Чымало: одъ Орили та до моря шырынею, отъ Бога—рички та до «Горилого пня» довжынею.

— Гдѣ же этотъ «Горилый пень»?

— А туды пидъ Донщыну, за Савуръ-могилою.

— Что же это такое за названіе «Горилый пень»;-урочище такое?

— Тамъ могыла, а биля неи рисъ дубъ и такый товстючый, що насылу було пьять чоловикъ обхвате. Якъ усохъ той дубъ его обпалылы, и довго чорнивъ винъ середъ степу;-его выдно було за сорокъ верстъ. Якъ силюндровалы запорожця, то биля того горилаго дуба жывъ якыйсь гайдамацькій ватажокъ, а на Савуръ-могыли-другый —Сава; ото винъ якъ схоче до себе поклыкать Саву въ гости, то почепе на дуба коныцю сина, дожде ночи и пидпале. Побаче Сава огонь,—на коня, и скака...

— Диду, а куда же дѣвались запорожцы?

— Пидъ турка пишлы.

— Какъ же это случилось?

— А ось якъ. Сталы ворогы докучать царыци, що буцимъ бы то запорожци шкоду роблять, вона зибрала військо и пишла на ихъ

— Какъ же-звали Царицу?

— Екатерына.

— Ну, что же, и завоевала?

— Та дежъ пакъ!... Зійшлысь москали, зійшлысь и запорожци. Москали стриляють, а запорожци полы пидставляють... Понабиралы повни заполы куль, тай пишлы до царыци. «Велыкый свитъ, матусю! на тоби оци заряды, воны може згодяться». Вона дывувалась, тай каже: «являйтесь ка мнѣ, я васъ угащу». Зибра-

лысь запорожци до неи, а вона и пыта: «какъ вы живете, яловое, запорожское войсько, безъ женъ?» «Жывемо, кажуть, такъ: сорочку покы ве... поты обидравъ, бо никому прать»... Угостыла вона запорожцивъ и пишла въ ихний станъ. Дивиться,—хто чоботы квацюе деггемъ, хто..., хто матню лата, хто кашу варе, хто нужу бье, а инчій-вуса круте... «Что же у васъ такое нестройное войско?»—пыта царыця кошового. Та такъ, каже, матусю,—замыреніе: нипротивъ кого строиться...

— Диду, какъ же это запорожцы подъ турка ушли, когда ихъ и пуля не брала?

— А такъ: сталы ихъ претиснять, ставъ Потемка населять слободы, сажать нимцивъ... взялы воны и подалысь: яки за Кубань, яки посунулысь въ Турецьыну... Прыйшлы, а паша и каже: «тоди я васъ прыйму, якъ заприсягнете вирно служыть въ моій земли». «Добре, кажуть, согласни»... Сталы збирать ихъ пидъ прысягу, а у ихъ у каждого въ торбыни була христіянська земля: воны понасыпалы въ чоботы земли, пидійшлы пидъ прысягу и кажуть: «на чый земли стоемо, тому цареви и будемо служыть»! Такъ воны и робылы: було въ турецьыни жывуть, а помичь дають своимъ хрещенимъ.

— Что же, диду, и до сихъ поръ запорожцы живутъ подъ туркомъ?

— Есть, кажуть, та мало: ихъ выведено видтиль, и тутъ уже воны перевелысь...

Легенда 2-я.

Запорожцивъ спрежду було всего шистьнадцять чоловикъ и звалысь воны Чорногорамы. Поперваҳъ жылы воны десь выче порогивъ въ лису, а позъ той лисъ ишовъ бытый шляхъ. Дознався якыйсь то царь, що по тимъ шляху велыкый розбой, и пославъ

військо. Черезъ стико тамъ днивъ дійшло військо до того лису и сунуло прямо въ пущу... Иде, воно, тай иде, иде тай иде,—колы чуе—якъ затрищыть, якъ залущыть... Глянуло воно, ажъ на дубахъ курени, а видтиля выглядають Чорногоры. Генералъ до ихъ:

— Шо вы за люды?

— Чорногоры!

— Злазьте изъ дубивъ!

— А шо-жъ вамъ видъ насъ треба!

— Треба, шобъ вы здалысь,—отъ що!

— Знаете що, люды добри, каже кошовый,—мы таки хрещени якъ и вы, отбыватьця не будемо, а лучше идить соби зъ Богомъ, видкиля прыйшлы!

Генералъ той якъ крыкне:—палы!... Сталы воны палыть, та не по Чорногорахъ, а сами по соби—и вылягли якъ снопы...

Явывся самъ царь и выклыка трехъ чоловикъ. Прыйшлы. Винъ за пыстоль та до ихъ... ажъ воно не те: рукы такъ и одибрало... Смыкавсь винъ, смыкавсь, та тоди и просе: «Ой, братци, не пустуйте!» «Добре, кажуть: дай же намъ впередъ бомагу, шобъ була намъ земля обмежована и шобъ, хто за межу перескоче,—той и нашъ!» Царь обищавъ и ставъ володать рукамы. Выдавъ имъ бомагу и назначывъ межу за сто верстъ выще порогивъ и за сто верстъ нижче порогивъ. Якъ силы воны кошемъ на порогахъ,—народъ такъ и сунувъ до ихъ. Тоди уже земля назвалась козацькою, а люды—запорожцямы.

Оттакъ я чувъ зъ молоду отъ старихъ людей. Теперъ поколиння запорожцивъ, що кынуло Січь за Катерыны, жыве, кажуть, пидъ туркомъ на Чорнихъ горахъ, и козакы опьять звуться Чорногорамы.

Дѣдъ Дмитрій Степ. Быковскій, 78 л.,
м. Никополь, Екат. у. 13-го Іюня 1894 г.

КІИ—ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАЗВАНІЕ ЗАПОРОЗЦЕВЪ.

Раззореніе Сѣчи.

Мій дядько, Матвій, умеръ 110-ты годъ въ пятьдесятъ вторимъ году (1852). Розсказувавъ, що спрежду запорожци звалысь *кіямы*, и не тутъ жылы, а десь въ лисахъ, пидъ Кыевомъ. Кіямы звалысь видтого, що ходылы на розбой съ кійкамы. Якыйсь, кажуть, князь *Амлынъ*, чи що, ставъ набирать ихъ въ свое військо и сказавъ: «якъ поможете мени звоювать турка,—дамъ вамъ степы, балкы, байракы и ввесь ныэъ Днипра: будете жыть вольно». Зибралысь воны вси, стико було и звоювалы турка. Амлынъ тоди давъ имъ Днипро и степъ нызче порогивъ и сталы воны запорожцямы. Було у ихъ 40 куреннивъ и 40 тысячъ війська, та Катерына зигнала и отдала землю нимцямъ... Амлынъ той, якъ дававъ землю, то казавъ: «буде вона ваша, покы свитъ сонця»; а Катерина уже не те сказала: «дайте, каже, бумагу, шо це ваша земля». Воны тоди сюды, туды—нема. Якъ стало військо противъ запорожцивъ, а характерныкы и выйшлы. «Ну, кажуть, сдаваться не будемо,—быйте! Москали за ружжя, цилять въ ихъ, а воны клацъ! клацъ! клацъ!—и не палять; глянулы, ажъ порохъ мокрый... «Ну, кажуть, васъ, мабудь, и чортяка не звоюе». Характерныкы зовсимъ не хотилы здаваться Катерыни, та військо сказало: «ни, братьци, у насъ есть батькы и диты: москаль ихъ выриже». Взялы тай здалыся.

Осипъ Леонт. Шуть, 70 лѣтъ, рыбальня на островѣ Хортицѣ, 15-го Сентября 1888 года.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

(Продолженіе разсказовъ Кравца.)

Кравецъ постоянно вспоминалъ запорожца Семена Берлима, жившаго въ Новыхъ Койдакахъ. По его словамъ, Берлимъ служилъ у запорожцевъ за кухаря (кашевара) и умеръ 120 л. Вотъ что повѣствуетъ Кравецъ словами Берлима о запорожцахъ.

Запорожци жылы скризь по Днипру, въ Великому Лузи, по степахъ и въ городкахъ[1]). У насъ называють теперъ «майданы», а у запорожцивъ—то булы «городкы». Таки городкы и теперъ есть въ Старихъ Койдакахъ, на Пидгородиянскимъ степу, пидъ Петрыкивкою. Городкы обнесени булы высокымъ валомъ, а въ тимъ мисти, куды входыть,—стояло по бокамъ два высокихъ стовпа. Було кому есть дило до старшынъ—иды въ крипость дорогою, а якъ тико полизъ черезъ валъ, заразъ пидскочать кабычныкы[2]) и ну кіямы: «не ходы, еретычый сыну, навпростець[3]) ходы въ ворота!...

Интересно также преданіе о томъ, какъ запорожскіе старшины обращались съ «товариствомъ».

«Запорожцивъ часто грабувалы ляхы и туркы, а за те, було, не спускають имъ и запорожци. У ихъ була черга[4])—кому ихать на роздобыткы, кому дома буты. Оце, було, позъизжаються въ табуръ[5]), то старшына и пыта каждого, що винъ прывизъ. Якъ тико инчый вернеться безъ ничого, або пропье въ дорози, заразъ и крычыть: «кіивъ, еретычому сынови». Всыплять по тры кія въ спыну, тай край. У ихъ бувъ такый звычай:—хоть прывизъ що—сидай пый горилку зъ старшынамы, хочъ кіивъ получивъ—сидай, пый и ижъ. Не сердылысь довго: не прывизъ сегодня, прывезе завтра, а все такы роздобуде на товарыство».

[1]) Земляныя укрѣпленія въ степи.

[2]) Отъ слова Кабыця—очагъ. Помощники кашевара [3]) Напрямикъ.

[4]) Очередь. [5]) Станъ, лагерь.

Запорожскіе старшины одинаково дружелюбно относились и къ заслуженнымъ козакамъ, и къ голотѣ; однако они ненавидѣли и строго наказывали тѣхъ, кто потѣшался надъ бѣдностью.

«Було розгорюють сиромахы[1]) на гроши, куплять горилкы и давай кружать. Якъ тико якый дука[2]) почне насмихаться, заразъ отаманъ заступыться и всыплять еретычому сынови кіивъ. Про це есть и писня»...

Ой хмарыться, туманыться, дрибенъ дощъ иде,
Веселая беседонька, де голота пье.
Ой хмарыться, туманыться,—ставъ дощъ накрапать,
Гей, пора намъ хлопци, добри молодци, наметъ[3]) напынать.
Напьялы наметъ, наметъ червоный, голубіи стины,
Котріи дукы все багати—у намети силы.
Котріи бидни, та ще й безчастни, й не посмилы.
Взялы кварту, а другу зъ жату[4]), та й на донци сплы.
Прыйшовъ до ихъ отаманъ ихъ, тай жалувать ставъ,
Скынувъ съ себе голубый каптанъ, тай наметъ напьявъ.
Теперъ хлопци, добри молодци, будемо й мы пыть,
А хто буде насмихаться, то будемо быть.
Прыйшовъ багачъ, прыйшовъ дукачъ,—насмихаеться:
«За вищо ця, несчастна голота, напываеться?»
Обизвався панъ отаманъ голоти зъ намета:
«Визмить дуку за чубъ, за руку, та выведить геть!»
Одынъ взявъ за руку, другый за чупрыну, третій дуло бье[5]),
«Не йды багачъ, прывражый дукачь, де голота пье»,
Бидна голота загорювала, тай загуляла,
А якъ не стане—ще загорюемъ, та выпять будемъ пыть,
А хто буде насмихаться, того будемъ быть.

Помижъ запорожцямы багато було характерныкивъ[6]). Берлымъ розсказувавъ про Кравчыну[8]), котрый въ Польщи піймавъ ко-

[1]) Бѣдняки. [2]) Богачъ. [3]) Палатка. [4]) Шутка.—[5]) Рукоплещетъ—„бье въ ладоши"
[6]) Знахари колдуны [7]) Кравчина въ козацкомъ смыслѣ,—отрядъ, ватага; нашъ же разсказчикъ окрещиваетъ Фамиліей кравчины запорожскаго ватажка.

зацького душугуба Саву*). И про це есть писня... Оце, було, бьються запорожци зъ ляхамы и, гляды, ляхы побывають нашихъ. Якъ тико наскоче Кравчына, такъ ляхамъ и нема ходу. Кули[1]) летять, а запорожци ловлять ихъ въ заполы. А якъ треба перейты ричку, то Кравчына поведе передъ, и стане сухо. Такъ, було, въ сухій одежи переходять запорожци и Орель-ричку... А то було ще й такъ. Якъ треба плывсты Днипромъ, то зроблять зъ оситнягу[2]) плытъ[3]), посидають и гайда[4]) за водою...

Запорожци сами курылы горилку. У ихъ, казавъ Берлымъ, караванивъ[5]) не було, а такъ прямо выбере на степу глыбоке провалье[6]), зробе халупку[7]), тай куре... Тамъ у его шаплыки[8]) и весь нтрументъ[9]), якъ и въ каравани. Горилка була далеко добриша, нижъ теперъ.

---

*) Выросши и воспитавшись въ Сѣчи, ватажокъ *Савва Чалый* впослѣдствіи передался полякамъ, былъ приверженцемъ Орлика и злѣйшимъ врагомъ запорожцевъ. Съ шайкою отчаянныхъ гайдамакъ, онъ разрушилъ Гардъ, грабилъ запорожцевъ и, по народнымъ пѣснямъ, съ живыхъ сдиралъ кожи. Наконецъ неожиданно („характерствомъ") былъ схваченъ запорожскимъ ватажкомъ *Гнаткомъ Голымъ* съ помощію *Кравчины* и, по однимъ, убитъ на мѣстѣ (Антоновичъ), по другимъ—доставленъ въ кошъ, изрубленнымъ и засѣченъ кіями (Скальковскій). Подробности объ этомъ, воспѣтомъ въ народныхъ пѣсняхъ, ватажкѣ см.—*Скальковскій*. Наѣзды гайдамакъ на Западную Украйну въ XVIII. в. Одесса. 1849. Стр. 45—49 и *Антоновичъ*. Изслѣдованіе о гайдамачествѣ по актамъ 1700—1768 г. „Кіевъ. стр. 116—121."

[1]) Пули. [2]) Болотное растеніе. [3]) Плотъ. [4]) Пошелъ. [5]) Винокуренныхъ заводовъ. [6]) Оврагъ. [7]) Крыша, навѣсъ. [8]) Чаны [9]) Инструменты.

ЧУМАКИ И ЗАПОРОЖСКАЯ СТОРОЖА ВЪ СТЕПИ.

Колысь степы булы дыки, шляхивъ мало, та и то одынъ отъ другого на 50—100 верстъ. По велыкихъ шляхахъ въ Крымъ стояла запорожська сторожа, а по балкамъ шлялась татарва та нагайва. Чумакъ тоди ходывъ валками[1]) возивъ 100—200 и бильше, шобъ охитнише[2]) було. Оце иде валка, ажъ ось надъ шляхомъ стоить ратыще[3]). Тутъ, значытъ, клады чумакъ харчи сторожи. Инчій кладе хлиба, сухаривъ, торбыну борошна, пшона; инчій сала, солы, цыбули, тарани. Покладуть и гайда соби. Идуть воны, колы ось упьять ратыще и уже середъ шляху. Тутъ уже выпрягай чумакъ и стій, бо на переди заляглы туркы або нагаякы. Пасуть чумакы воливъ, колы ось, якъ витеръ, летятъ верхамы запорожци. Запрягають тоди чумакы воливъ и идуть, а попереду козакы. Верстовъ десятокъ чи бильше проидуть, а тамъ упьять козакы. Тоди ци вертаются, а ти проводять чумака дальше. Чумакы, було, дають запорожцямъ и гроши, и могорычъ, а инчи и вола на маханъ[4]). Скотъ тоди бувъ нипочомъ. Каждый чумакъ бравъ про случай паръ дви-тры зайвихъ[5]). Булы таки чумакы, шо не слухалы сторожи: скынуть зъ дороги ратыще и дальше поганяють. За те имъ и доставалось: або запорожци плечи нашмагають[6]), або татарва побье, а воливъ займе.

Дѣдъ Иванъ Кардашъ.

Александровскъ, 16-го декабря 1884 г.

[1]) Обозами. [2]) Безопаснѣе и веселѣе. [3]) Древко пики.
[4]) На мясо. [5]) Лишнихъ. [6]) Набьютъ нагайками.

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ТАТАРСКИХЪ НАБѢГОВЪ—ОТПОРЪ ЗАПОРОЖЦЕВЪ.

Разсказъ А.

Покойнои моеи матери батько, а мій дидъ Иванъ Товстокорый бувъ запорожець. Винъ все, було, разсказуе якъ Измаиловъ бралы, такъ якъ Украину обиждала орда. Оце, було каже, зайде орда въ село, забере скотъ, людей, добро всяке, а малихъ и старихъ повбывае, посуду потрощыть, пирья съ подушокъ розвіе по витру. Управыться въ одній слободи—иде въ другу, третю, а потимъ и жене скотъ, людей пидъ хана. Подушкы татары розрывалы за для того, шобъ друга орда бачыла ихъ слидъ и йшла дали. Якъ зачують, було, люды, шо орда наступае, то воны и сами дають ій одводъ: визьмуть поросспорюють подушкы, пирья выкынуть на улыцю, а сами ховаються по лисахъ, въ норахъ, погрибахъ. Орда добижыть до слободы, побаче пирья тай дали...

А дитей, бидненькихъ, якъ мучылы!... Розсказувавъ покойный дидъ Олійныкъ, шо було посадятъ ихъ на одну лаву, а другою замахнуть по головкахъ,—тамъ воны и поснуть на викы... Було и такъ: оце трохы одтягнуть лаву, шобъ поставить дитей до стины, а пидъ шыйкы лавою жъ и подушать... Былы несчастнихъ и головамы. Оце одну дытыну посаде доли, а другу схопе за ногы, розмахне, та головою объ голову и побье.

Багато розсказувалы покойни диды. Разъ, кажуть, забигла орда въ слободу, вырубала людей, а стара баба возьмы тай сховайся въ коминъ. Якъ на те зайшлы татары въ хату и найшлы цыбулю. Отъ одынъ покуштувавъ—плюнувъ и каже: «Ну, тай гирка русська постырнака!» Не втерпила баба, тай обизвалась съ комина: «Ни, паночe, то не постырнакъ, а цыбуля»!—«Ну, каже татарынъ, колы цыбуля,—вылазь марушка!».

Федоръ Мих. Кнырикъ, 61 г., Языково, Екатер. у., 29 ноября 1888 г.

Разсказъ Б.

Розсказувавъ дядько Матвій[1]), якъ запорожци побывалы орду. Разъ, каже, війско стояло на Орили пидъ Царычанкою[2]). На зори, передъ свитомъ, чуемо,—земля стогне, клекитъ[3]) десь. Попрепадалы до земли, слухаемо—орда йде. Мы посидлалы коней, та назустричь. Сталы добигать до Ордыньского шляху,[4]) ажъ люды ячать[5]); мы тоды стико духу, и давай рубать орду. Управылысь, тоди порозьязувалы людямъ рукы и пустылы зъ Богомъ. Орда найбильше заганяла въ неволю людей зъ городивъ[6]).

Осипъ Шутъ, 70 л., островъ Хортица,
1 января 1888 г.

ХИМОРОДНИКЪ.

Въ Велыкому Лузи, ще за запорожцивъ, жывъ хымороднықъ Хвесько. Его дуже боялысь и слухалы козакы. Оце, було, лежыть чоловикъ, а винъ риже чорну редьку. Якъ тико пусте редька сокъ билый—чоловикови стане трудно; якъ стане сокъ чорнить—чоловикъ умера. Винъ тоди поробе, що редька вбере въ себе сокъ чорный, пусте билый—и чоловикъ ожыве. Феско мавъ сына, тико ему цего характерства не передавъ. «Ты, каже, сыну, дуже сердытый; одроблювать не схочешъ и чоловикъ умре».

Оксентій Орелъ, 65 л. Кушугумовка, Александр. у., 28 декабря 1885 г.

---

[1]) По свидѣтельству разсказчика, Матвій Шутъ умеръ въ 1852 г. 110 л. онъ выросъ и «козакувавъ» въ Запорожьѣ до паденія Сѣчи.

[2]) Старожитное запорожское село Кобылякскаго уѣзда, на р. Орели.

[3]) Шумъ, говоръ.

[4]) Ордыньскій шляхъ—десь быля Царычанкы, иде черезъ Орилъ. Теперь винъ зветця Крымскымъ. Разсказчикъ.

[5]) Кричатъ, говорятъ.

[6]) Населенныя мѣста Полтавской губ.

ХАРАКТЕРСТВО ЗАПОРОЖЦЕВЪ ВЪ НАРОДНОМЪ ПРЕДСТАВЛЕНІИ.

А.

Земля, де мы жывемо, одвоевана у турка, Богъ его зна, за якого царя. Орда, кажуть стояла на Хортивському острови, а русське військо противъ неи, де теперъ Вознесенка.*) Отъ почалы воювать. Орда обкопалась и пале съ пушокъ, а москали товпляться та падають. Якъ уже полягло багато москаля, царъ вставъ, тай журиться. Колы де не взявся запорожецъ: бижыть конемъ, та прямо до царя. Здоровъ царю!—Здоровъ козаче!—А шо—якъ?—Такъ и такъ, каже царь: полягло війска богато, а турка не визьму.—Ставай, каже, биля мене! Царь ставъ. Запорожецъ пиднявъ руку и піймавъ ядро. «Ось бачъ, каже, якый гостинецъ! Ну, теперъ, каже, глянь на острывъ: шо тамъ?» Глянувъ царь, ажъ турокъ самъ себе руба, самъ на себе пиднявъ руку и пишовъ потонтомъ.**) Пиднялась велыка курява, закрюкалы крюкы***), а потимъ стыхло.—«Дывысь теперъ, каже запорожець.» Глянувъ царь, ажъ нема ни одного жывого турка,-порубалы сами себе, а крюки выдовбують очи. Царь тоди и каже: «Ну, запорожци, дарую вамъ цю землю, жывить, покы свитъ сонця!»

Сталы воны разъизжаться. Москали посидалы на коней, а запорожци прослалы на Днипри повсть, тай подалыся до лыману.

Дѣдъ Иванъ Кардашъ.
Александровскъ, 16 декабря 18 84 года.

*) Село Александровскаго уѣзда, противъ о-ва Хортицы.
**) Самъ себя топчетъ.
***) Черный воронъ.

Б.

Запорожцы булы лыцари и велыки галдовныкы. Куля ихъ не брала, на Днипри, було, простелять повсть и идуть. Катерына хотила повернуть ихъ пидъ свою власть, а воны и не схотилы. Шобъ показать сылу, прокынулы повсть на мори, набралы земли въ чоботы, горилкы въ боклагы и подалыся въ Турещыну. Плевуть соби та спивають.

Дѣдъ Онисимъ Петренко.
С. Балабино, 24 февраля 1885 г.

В.

Мій дидъ все, було, розказуе про запорожцивъ. Знатни люды булы! Було якъ збираються въ Польшу, то беруть не бильше якъ 12 чоловикъ: зайвого шобъ не було. Ватажокъ, було, прыказуе: «глядить, хлопци, якъ прыйдеться тикать, то не розбигайтесь: держиться купы». Ихъ мало, а ляхивъ багато, то оце, гляды и бижыть погоня. Воны повстромляють ратыща въ землю, поставлять коней хвостамы до хвостивъ, а сами въ середыну и поховаются. Гонятся ляхы и крычать: «Ремба́й главу»! Добижать до ихъ и покажется имъ лисъ: воны тоди и повертають коней назадъ.

Дѣдъ Трофимъ Ковбаса, 89 л., д.
Языково, Екатер. уѣзда, 6 іюля 1886 г.

СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ ХАРАКТЕРНИКА.

Ще за Катерыны, на бальци Таволжаній [1]) жывъ запорожець Довгый и бувъ винъ превелыкый характерныкъ... Старый, дуже старый бувъ винъ, та ще й одынокый. Ставъ винъ померать,—а померавъ винъ не разъ,—и звеливъ наймытови поклыкать сусида Пластуна [2]). Довго воны балакалы, а дали Довгый лигъ тай умеръ. Пластунъ и каже наймытови: «Ну, лягай, сыну, спать, а я пиду подою коровъ». Пишовъ. Наймытъ прывьязавъ мертвого канатомъ за шыю и за ногы до лавы, взявъ скрыпку тай грае соби на двори... Чы довго винъ гравъ, чы ни, колы чуе—товчеться щось въ землянци. Заглянувъ винъ туды,—колы мертвый соваеться по лави... «Товчысь, каже, Марку по ярмарку:—чорта зъ два выкрутышся!.. Грае винъ упьять, та вытрындыкуе... Трохы згодя, слуха,—знову товчеться мертвый»... Отъ прыходе дидъ Пластунъ. «А шо, пыта,—не вставъ ще нашъ мертвый?»—«Ни,—каже,—пручався, такъ я его прекрутывъ до лавы канатомъ».—«Добре-жъ,—каже, шо догадався,-а то винъ бы тебе задушывъ»...

Зійшлось тамъ чоловика стико запорожцивъ, выкопалы яму и давай ховать безъ попа. Якъ спустылы его въ яму, Довгый и каже: «ну, братци, давайте осыковый килокъ, та будемъ печатать. Забылы ему килокъ въ груды и засыпалы землею.

Галдовныкивъ попы николы не ховалы, а ховалы ихъ запорожци по своему...

Дѣдъ Яковъ Мусієнко, 80 л.,
с. Свистуново, Алекс. у., 19 Іюля 1882 г.

---

[1]) Таволжаная балка въ Александровскомъ у., устьемъ выходитъ въ Днѣпръ и составляетъ живую границу дачъ—владѣльца А. А. Иваненко и с. Петровскаго-Свистунова. Я. Н.

[2]) Пластунъ жывъ на другій вершыни балкы въ байраци (въ лѣсу), котру звемо Пластунивською. *Разсказчикъ.*

КАКЪ ЗАПОРОЖЦЫ ПЕРЕХИТРИЛИ ПОТЕМКИНА.

(Преданіе).

Якъ зруйнувавъ Потемка Сичь, запорожцп давай смолыть байдакы та дубы, давай тикать въ Турещыну. Довидався Потемка, тай каже: «Ну, скурви сыны, колы-жъ вы такъ, такъ я-жъ васъ ось якъ»... Звеливъ винъ выще Ныкыполя натягты канаты одъ берега до берега и поначеплять дзвоныкы, а на Днипро понаводыть пушкы. Думка, бачъ, була така: якъ тикатемуть запорожцп вночи, —дзвоныкивъ не мынуть,—тутъ имъ и гакъ[1]).

Ждуть ночи москали, ждуть и запорожци. Стало вечерить, —запорожськый ватажокъ и каже: «Рубайте, хлопци, гильчасти дубы, та будемо рушать»! Зрубалы съ пивсотни дубивъ, пустылы въ Днипро за водою, а самы посидалы на байдакы и поплевлы тыхенько. Темна була ничь!. Опивночи доплевлы дубы до канативъ, а дзвоны сразу: дзелень, дзелень, дзелень!.. Москали до пушокъ, та зъ обохъ бокивъ—бухъ! бухъ! бухъ!... Якъ выпалылы заряды, ватажокъ и каже: «Ну, хлопци, теперъ за весла, та пора и веселои заспивать»... Затяглы запорожци веселои и покрылы Днипъ байдакамы. Не мало ихъ, кажуть и пишло пидъ турка—дванадцять тысячъ.

Дѣдъ Трофимъ Штепа, 72-хъ л., изъ
с. Вознесенки, о. Хортица, 1 Августа 1887 г.

[1]) Конецъ, смерть. Собственно гакъ означаетъ крюкъ, а въ данномъ случаѣ,—попался на крюкъ,—пропалъ.

ДОЛГОЛѢТІЕ У ЗАПОРОЖЦЕВЪ.

Ни, теперь не жывуть такъ довго люды на свити, якъ колысь жылы! Якъ не було ще ни крипости (Александровской), ни Вознесенкы (село), тутъ, по балкахъ та по плавняхъ жылы запорожци. Дидъ розсказувавъ, якъ зруйновалы Сичъ, сталы сюды люды находыть, сталы селыться. Надъ Московкою (рѣка), кажуть, въ бальци, жыло тры запорожци: дидъ, сынъ дидивъ и онукъ,—вси трое были, якъ снигъ. Дидови, кажуть, було 130, сынови его 110, а онукови шидъ 90 годъ. Люды булы заможненьки: багато було скоту, коней, бжолы. Жыла у ихъ и сиромашня*). Старый дидъ, дарма шо дожывъ до 130 годъ, бувъ на выду червоный якъ бурякъ, пры своему уми, тико на ногы слабый; сынъ его, хоть и молодшій,—зовсимъ, кажуть, выжывся зъ ума, ставъ якъ мала дытына; онукъ—пидходывъ пидъ своего батька. Отъ разъ, кажуть, заихавъ до ихъ якыйсь панъ за пашпорты спытать, чы що,—тоди уже ця мода заводылась. Дидъ сыдивъ на печи, сынъ на прыпичку, а онукъ выйшовъ съ хаты. Панъ и пыта дида на прыпичку: «Шо ты за чоловикъ?»—«Запорожецъ!»—«А на печи хто? «А катъ его зна, шо воно за чортяка!... Стико зазнаю—все у насъ жыве»... Дидъ съ печи и обизвався до пана; «Отакъ якъ бачешъ, чоловиче: забувъ, еретычый сынъ, шо я ему и батько»...

Осипъ Шутъ, 70 лѣтъ, остр. Хортица на Днѣпрѣ, 15-го Сентября 1888 г.

*) Сѣрома, голь бездомная.

ВЕЛИКОРУССКІЕ КРЕСТЬЯНЕ ВЪ ЗАПОРОЖСКИХЪ ВОЛЬНОСТЯХЪ.

Теперъ выйдешь на гору, тай слободы выдно, а годъ сто тому назадъ бувъ одынъ степъ, та чагарь[1]) по балкахъ. Кажуть, заразъ писля того, якъ Січъ скасовано[2]), порызали землю панамъ, щобъ населялы слободы. (Слобидка Татарка[3]), съ початку населена кацапамы ажъ изъ Серпухова,—Богъ его зна, де винъ и есть[4]). Колысь давно кацапка розсказувала ще нашимъ батькамъ, що якъ выводылы ихъ видтиль въ степы, то казалы, що тутъ рай, а не сторона. Въ степу, казалы имъ якъ выгонять коровъ въ череду, то до ригъ привьязують коновкы ввечери вернуться воны до дому съ паши и прыносять повни коновки ягидъ: сами такъ и нападають. А люды,— хвалылысь имъ,—жывуть такъ богато, що каждый день идять пырогы и всякому дають выймать съ печи съ третего, якъ колысь жалы съ третего снопа. Мы, каже баба, прыихалы, колы цего ничого нема... Де-не-де, каже, жылы запорожци, по балочкахъ и хаты у ихъ биленьки, тико сами воны на выдъ страшни. Давай воны лаять своихъ чоловикивъ: «Завезлы, дуракы, въ сторону хахлацкую: горницы хорошія, бѣлыя, а люды выйдуть—страшные, чорные, голова голая (бритая), да еще и съ пузьмой (чупрына)».

Старикъ Буря и др., 7 мая 1887 г.
Рыбачій кошъ на Днѣпрѣ, вблизи с. Любимовки, Новомосковск. у.

---

[1]] Мелкій кустарникъ. [2]] Уничтожено. [3]) Новомосковскаго у. [4]) Московск. губ.

КАКЪ ЛИТВИНЫ ВОЕВАЛИ СЕРПЪ.

(Разсказъ).

Ще за Петра первого, йшлы лытвыны пидъ Полтаву воювать шведа; йшлы воны степомъ. Чоловикъ нажавъ полукипокъ жыта, застромывъ серпъ и забувъ. Побачылы лытвыны и дывуються: що воно таке? Бувъ мижъ нымы лытвынъ, котрый весь свитъ сходывъ: разъ бувъ у млени, а другый—на базари, тай и каже: то, братци, людоѣдъ! Давай воны на его палыть... Стрилялы, стрилялы,—ни якъ не влучать. Тоди бувалый и каже; а ну, братци, на штыкы! Якъ ударе его ратыщемъ, а серпъ пидскочывъ, та другому на шыю. Той якъ смыкне—и перерызавъ шыю. Воны надушылы его, прывъязалы бычивкою за ручку и повезлы топыть у Псёлъ. Посидалы въ каюкъ и кажуть: ну, треба прывьязать до его камень, шобъ не сплывъ. Найшлы каменюку пудивъ пьять, прывьязалы и махнулы посередъ ричкы. Бувалый и каже: «пускайте, братци, впередъ камень! Камень якъ смыкне серпъ, а серпъ зубьями якъ зачепе човенъ за крыла, такъ винъ и перекынувся. Лытвыны потопають и крычать: «Ой ратуйте! проклятый людоѣдъ потопаетъ и людей губитъ!

Андрей Иващенко, 67 л., Ольгинское,
Маріупольск. у., 28 марта 1876 г.

ВОВКУЛАКИ [1].

А.

Вовкулака не звиръ, а чоловикъ, зробленый вовкомъ по злоби. Разъ ихала свадьба, а спереду дружко галдовныкъ. Доихалы до

[1]) Оборотни.

водяного млына и захотилось дружкови похвастать. Спынывъ коней, та якъ крыкне на млынъ: «т п р у! Млынъ той и ставъ. Мырошныкъ тежъ бувъ галдовныкъ, выйшовъ тай соби: «т ю у у у!» тю! тю! Свадьба та зразу и разбиглась вовкамы!

Якъ найдеться чоловикъ, та одробе, то вернуться людьмы, а якъ ни,—вовкамы зостануться на викы.

Трофимъ Лубенецъ, 40 л., с. Крестовка, Маріуп. у., 18-го іюля 1905 г.

Б.

Одынъ чоловикъ розсказувавъ, якъ винъ бувъ вовкулакою. Парубкомъ, каже, я любывъ дивку и не схотивъ іи взять. Вона пишла противъ Велыкодня до знахуря, а той и обернувъ мене вовкулакою Идуть люды съ церквы, несуть паскы, а я бижу зъ села вовкомъ. Люды за мною съ ципкамы, гоняться, тюкають, крычать: «вовкъ! вовкъ! ловить его, быйте!»... я все чую, все розбираю и паски мени хочеться, та мову одибрало: вовкъ, тай тико! Побигъ я въ лисъ и сховався. Ночнои добы найшовъ я вовкивъ, ставъ розбирать ихъ мову и бигать у шкоду. Такъ мынуло два года. Разъ выголодалысь мы и побиглы въ слободу. Вскочывъ я въ кошару и давай перекыдать овецъ черезъ тынъ: кыдаю я, а воны пидбирають... Збиглысь собакы, почалы гавкать, выть... Потимъ де взявся ярчукъ, та до тихъ вовкивъ—и порозганявъ ихъ къ нечыстій матери. Остався я одынъ въ кошари, а собакы гвалтують, та выють. Хазяинъ кошары бувъ знахурь. Передъ свитомъ выйшовъ винъ, глянувъ на мене и заразъ догадався, шо я не настоящый вовкъ, а вовкулака. Вырizавъ винъ тры быча и заходывсь биля мене... Репижывъ же винъ мене, репижывъ, ажъ покы шкура лопнула. Я тоди вовчу шкуру геть съ себе и ставъ, якъ и теперъ есть, чоловикомъ. Одяглы мене люды, обулы и пустылы до дому. Не богато-жъ я и йшовъ до дому,—пивгоду...

Дѣдъ Григорій Омельченко, 80 л., с. Крестовка, Маріуп. у., 10 августа 1905 г.

ПУСТЕЛЬНИКЪ[1].

Искушеніе (Легенда).

Колысь то въ запорожськихъ пущахъ жывъ пустельныкъ. Довго винъ тамъ жывъ и стало ему скушно: не исть, не пье, не молыться... Прыкынувся лукавый чоловикомъ и прыходе до его. «Чого пустельныку, журышься?» «Того, каже, шо одынъ въ пущахъ: скушно!» «На, тоби, каламарьчыкъ съ порошкомъ: понюхаешь,—буде наче вдвохъ». Пишовъ нечыстый. Пустельныкъ смыкнувъ носомъ разъ, вдруге, втрете—чхнувъ и стало ему весело... На другый день иде унъять нечыстый. «А шо, каже,—якъ?» «Весело, каже,—наче вдвохъ!» «На-жъ, тоби, зилля и трубку: покурышъ—буде наче втрехъ». Пишовъ. Покурывъ пустельныкъ и повеселишавъ ще дужче. Прыходе нечыстый на третій день. «А шо, каже, якъ?» «Весело, каже,—наче втрехъ». «На жъ, тоби, каламарь съ каплямы: якъ выпьешь—буде наче вдесятехъ». Пишовъ. Выпывъ пустельныкъ и стало ему наче вдесятехъ:—якъ заспива, якъ заграе, якъ пидниме полы...—пишовъ гопака навпрысядкы...

Лукавый прыносывъ ему тютюнъ и горилку, бо це его выгадка.

Дѣдъ Авксентій Федоров. Орелъ, 66 л.,
д. Кущугомовка, Александ. у., Екат. губ.
28-го декабря 1887 г.

ОПЛАКИВАНІЕ ТЕЩИ.

Разсказъ.

Жылы соби чоловикъ та жинка и у ихъ жыла жынчына маты. Отъ умерла та маты. Жинка туже, а чоловикъ и байдуже. «Плачъ бо, чоловиче, каже жинка: хиба вона тоби чужа?» Пидійшовъ чо-

[1] Пустынникъ, отшельникъ, монахъ.

ловикъ до покійныци, схылывся надъ нею, та якъ заголосе, якъ заголосе:——«Ой ненько жъ моя, та не ридная, жинчина маты! та ты жъ, було, вдвохъ зъ дочкою, а зъ моею жинкою, варенычки у масли исте, а мени сыроватку дасте! То я жъ, було, имъ, имъ, та й напьюся! ... «Буде вже, буде, чоловиче, каже жинка:-шобъ, часомъ, ще чого не згадавъ!.»

Палагея Касьяненко, Мало-Михайловка,
Александровскаго у., 4 іюня 1885 г.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПРОШЛАГО.

ПАМЯТНЫЯ ЗИМЫ.

Разсказъ старожиловъ нѣмцевъ.

Въ 1824 году лѣто было сухое, не уродило ни хлѣба, ни соломы, ни травы. Такъ было на всемъ югѣ. Потомъ зима на 1825 годъ была снѣжная, съ частыми мятелями и заносами, морозная. Не имѣя чѣмъ кормить скотъ, а у иныхъ и топить, люди сдерали съ домовъ соломенныя крыши, кормили животныхъ и топили. Такого корму, однако, хватило не на долго, начался падежъ. Страшно вспомнить то время! Бывало съ хатъ сдираютъ крыши на кормъ, а кожамы палыхъ животныхъ кроютъ хаты... Умирали съ голоду да холоду и люди. По пути изъ кол. Хортицы въ Екатеринославъ, всѣ совершенно деревни и села стояли безъ крышъ. А по большимъ дорогамъ что было!... Бывало ѣдемъ дорогой, а по сторонамъ все кости, да трупы животныхъ, а надъ ними стаи черныхъ вороновъ... Лошади пугаются, храпятъ, сварачиваютъ съ дороги, носятъ по полю...

Памятенъ и 1833 годъ! Тогда въ Тавріи и у насъ былъ такой неурожай и голодъ, такой надежъ, что дрожь пойдетъ по тѣлу, когда вспомнишъ. А нищихъ столько приходило, что бывало двери не затворяются... Даже татары съ Тавріи и тѣ заходили съ торбами (сумками)... Страшныя болѣзни, страшная смертность была и между людьми.

Старики меннониты, кол. Бурвальдъ-Абрамъ Левинъ, 78 л., Юліусъ Петкау 86 л.; кол. ост.-Хортицкой Пѣтръ Виниъ 90 лѣтъ, 10 мая 1887 г.

ТОЖЕ.

Разсказъ малороссовъ.

Писля хранцузскои войны (1812 г.) була драна зима (1813). Ни скотови корму, ни людямъ хлиба не було, та и прывезты ни видкиля: всю зиму—снигъ, фуга, та заверюха. Заметы булы выще хатъ. Люды вылазылы въ дымари отъ Кузьмы Демьяна (съ 1 ноября) до Благовищення (25 марта). Було якъ глянешь на плавни, видно тико вершечки дубивъ. Голодъ тоди бувъ, не приведы Боже! Илы жолуди, курай. Курай мололы и обмишувалы зъ борошномъ. Було выймають хлибъ съ печи и идять, покы гарячый, а якъ захолоне, то жерсткый, твердый и не розжуешь. Писля такого хлиба въ жывоти риже, жме, нудыть. Зъ жолудивъ хлибъ —черный, якъ чорныло, чорныломъ и пахнувъ. Писля его важко було дыхать, наче камень въ жывоти. Пидъ драну зиму лито було сухе, не було ни одного дощу, а жолудивъ Богъ зародывъ стико, що на дубахъ и лыстья не було знать. Скоту ни чымъ було годувать, то люды дралы крыши съ хатъ, сараивъ, повитокъ. Скотъ поивъ все, а потимъ выдохъ. Тоди люды шкурамы укрывалы